

Образы Античности в поэзии Финляндии второй половины XX века

Е. Г. Сойни

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия
elenasoini@gmail.com*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ античных образов в финской поэзии второй половины XX века. Материалом исследования послужили произведения Пааво Хаавикко, Айлы Мерилюото, Пентти Саарикоски, Эвы-Лизы Маннер и др. Использованы сравнительно-исторический, культурологический и интертекстуальный методы анализа. Сделан вывод, что образы Орфея и Одиссея претерпевают трансформацию, отражая дегероизацию и переосмысление культурного наследия. Финский Одиссей, в отличие от Гомеровского, теряет связь с домом и семьей. Античность становится инструментом для критического осмысления современности.

Ключевые слова: Античность, поэзия Финляндии, прием демифологизации, дегероизация, интертекстуальность

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания КарНЦ РАН № 124022000077-1 (2024–2028).

Для цитирования: Сойни Е. Г. Образы Античности в поэзии Финляндии второй половины XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 134–140.

Original Article

Images of Antiquity in Finnish Poetry of the Second Half of the 20th Century

Elena G. Soini

*Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia
elenasoini@gmail.com*

Abstract. This article aims to analyze the use of ancient images in Finnish poetry from the second half of the 20th century. The study focuses on the works of Paavo Haavikko, Aila Meriluoto, Pentti Saarikoski, Eeva-Liisa Manner, and others. Comparative-historical, cultural, and intertextual methods were employed. As a result I conclude, that the images of Orpheus and Odysseus undergo transformation, reflecting a deheroization and re-evaluation of cultural heritage. The Finnish Odysseus, unlike Homer's, loses his connection to home and family. Antiquity serves as a tool for critical reflection on modernity.

Keywords: antiquity, Finnish poetry, demythologization technique, deheroization, intertextuality

Acknowledgements: The study was carried out as part of the State Assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 124022000077-1 (2024–2028).

For citation: Soini, E. G. (2025). Images of Antiquity in Finnish Poetry of the Second Half of the 20th Century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 134–140. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена исследованию роли античных образов в финской поэзии второй половины XX века и их трансформации в контексте модернистской и постмодернистской эстетики.

Античность – одна из основополагающих традиций европейской культуры. В той или иной степени писатели обращались к образам античности во все времена. В поэзии финского модернизма это было особенно ощутимо. Характерной особенностью послевоенного финского модернизма является обращение к Античности. И если в начале XX века всё заимствованное, античные и библейские образы, говоря словами Рафаэля Коскимие-са, растворялись в колорите Калевалы [Koskimies, 1965], то в поэзии финского модернизма калевальские сюжеты, образы финской культуры, ландшафта и даже тема климата растворялись в мифологии античной. В этом смысле показательным стихотворением Раббе Энкеля. Поэт удивлен, что в Акрополе он нашел на склоне холма финский сеновал:

Акрополь ...
Солнечностью своей
В трепет меня не приводит.
Я увидел ясно
На склоне пологом холма
Финский наш сеновал.
Его соразмерность простая
Храму подобна была

(Пер. Н. Булгаковой)¹

Поэты находили аналогии, первообразы-архетипы, активно использовали литературные реминисценции, культурные коды. Античные мотивы обнаруживают себя в поэзии Ласси Нумми (Lassi Nummi, 1928–2012), Пааво Хаавикко (Paavo Haavikko, 1931–2008), Айлы Мерилуото (Aila Meriluoto, 1924–2019), Пентти Саарикоски (Pentti Saarikoski, 1937–1983), Эйлы Кивиккахо (Eila Kivikkaho, 1921–2004), Эвы-Лизы Маннер (Eeva-Liisa Manner, 1921–2004), Вайнё Кирстиня (Väinö Kirstinä, 1936–2007).

Целью настоящего исследования является изучение эволюции античных образов в их лирике.

Нами поставлены следующие задачи:

- выявить основные античные образы, используемые финскими поэтами;
- проанализировать интерпретации этих образов в контексте финского модернизма и постмодернизма;
- определить функции античных аллюзий в поэтических произведениях.

¹Поэзия Финляндии / сост. и послесл. Э. Карху; ред. пер. А. Парин. М.: Прогресс, 1980. С. 105.

ОБРАЗЫ АНТИЧНЫХ ГЕРОЕВ В ФИНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Поэт Пентти Саарикоски обращается к выдающимся личностям различных эпох в попытке через переживания и соучастие проникнуть в собственную душу. В стихотворении «Мудрец» (Viisas mies) из сборника «Стихи» (Runoja, 1958) речь идет о Гераклите:

Viisas mies, kreikkalainen,
nimeltään Hämärä, oli
oikeassa, nyt sen ymmärrän:
en iltaan mennessä koskaan
ole pääsevä perille ja yöllä,
nukkuessa, tulen alkuuni
takaisin².

Мудрец,
грек по прозвищу Тёмный,
был прав,
теперь я это понимаю, вечером я
никогда не могу достичь цели
и лишь ночью во сне
возвращаюсь к истоку³

Следуя идее философа, что всё течет, меняется, и невозможно дважды войти в одну реку, поэт словно дополняет его: да, всё так, но исток един и найти его можно лишь за пределами земного мира. «Тёмный» язык Гераклита для Саарикоски аналогичен языку ночной тьмы – языку сновидений, который видится столь родственным языку поэзии.

Саарикоски, как и другие представители «второго модернизма», отталкиваясь от рационального знания и обращаясь в стихах к непререкаемым авторитетам от Античности до современности, приходит к интуитивному познанию. Его созерцательность – созерцательность сновидца, исследователя, для которого мир през значительнее, нежели реальность, ведь это мир его души. В стихотворении «Элементы» (Elementit) из сборника «Стихи» (1958) поэт ощущает чуждость, нематериальность ночного мира и не находит в нем настоящей основы:

Yöt tutkin sieluani
tulella, vedellä, ilmalla ja maalla
mutta elementit kieltävät minut –
ei tulta ei vettä ei ilmaa ei maata
minussa, ei mitään mitä
katsoisin⁴.

²Saarikoski P. Tähänastiset runot. Helsinki: Otava, 1984. S. 13.

³Зд. и далее подстрочный перевод наш. – Е. С.

⁴Saarikoski P. Op. cit. S. 10.

Ночами я изучаю душу — что она
такое в сравнении с огнем, водой,
воздухом и землей.
Но стихии отвергают меня: во мне
самом нет ни огня, ни воды,
ни воздуха, ни земли, что я мог бы увидеть.

Во сне лирическому герою Саарикоски видит-
ся Гераклит. Он хочет, чтобы его сон продолжился
под шум колес поезда из теории относительности.

Эйла Кивиккахо обращается к образу Мемно-
на, герою греческой мифологии, сыну богини зари
Эос, защитнику Трои. Героиня сравнивает своего
возлюбленного, ослепляющего ее светом, с Мем-
ноном и кручинится, что когда он, пламенный, ухо-
дит, вместе с ним исчезают и земля, и небо.

Когда нет тебя, пламенный,
Нет земли тогда, неба нет...¹

(Пер. Э. Шустера)

Раббе Энкель, напротив, пишет, что Акрополь
солнечностью своей его не впечатляет. Ему доро-
же свет финского сеновала. Но этот сеновал, как
было сказано, он находит именно в Акрополе.

Эва-Лиза Маннер создает цикл «Орфических
песен», в котором, описывая встречу Орфея и Эври-
дики, связывает древнюю и современную эпохи.
Поэтесса сомневается, так ли нужно возвращаться
к прошлому, ведь погружение в прошлое не спа-
сает от одиночества. «Никакая дорога не ведет от
одиночества <...> к прошлому»². В стихотворениях
Маннер пророчествует Кассандра: «Чего бы вы ни
достигли, вам доставалась одна пустота»³. Пусты
глаза у мраморных статуй, пусты зеркала, пусты
небеса: «*taivaan käsittävät, kirkkaan ja tyhjän*»⁴.

Айла Мериуото, переводя с немецкого стихи
Райнера Марии Рильке, «своего главного настав-
ника» [Laitinen, 1981, с. 499], выбирает знамени-
тое стихотворение «Орфей. Эвридика. Гермес»⁵
и обращает внимание на описание поэтом леса.
Место, по которому движется Орфей, напоминает
глухую финскую тайгу:

Felsen war da
und wesenlose Wälder⁶.

Kallioita
Ja aineettomat metsät (Meriluoto A. *Op.cit.*, s. 194).

¹Поэзия Финляндии. С. 273.

²Manner E.-L. Runoja 1956–1977. Helsinki: Tammi, 1980. S. 65.

³Поэзия Финляндии. С. 300.

⁴Manner E.-L. *Op.cit.* S. 66.

⁵Meriluoto A. Kootut runot. Porvoo – Helsinki: WSOY, 1976. S. 171–176.

⁶Rilke R. M. Gedichte / hrsg. von W. Grotdeck. Stuttgart: Reclam, 1999. S. 71.

Приведем дословный перевод этих строк:
«Скалы и леса, потерявшие суть».

Именно этот образ леса у Рильке привлекает
внимание Мериуото. Финская суровая тайга не
имеет ровным счетом ничего общего с Аркадией,
Фессалией и другими греческими местами, но этот
пейзаж близок мифопоэтическому языку финской
поэтессы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЧНЫХ ГЕРОЕВ В СОВРЕМЕННОСТИ

Пааво Хаавикко посвящает образу Орфея цикл
стихотворений «Так вернулся Орфей» (Niin palasi
Orfeus) из сборника «Ветреные ночи» (Tuuliöinä,
1953) и уже с беспощадной иронией описывает
блуждания греческого певца. В доме лирического
героя Хаавикко находится томик «*Ars Amandi*» Ови-
дия («Наука любви». – Е. С.).

Образ самого Овидия появляется в несколь-
ких стихотворениях Хаавикко. Финский поэт об-
ращается к древнеримскому поэту, сосланному
в Констанцу, как к старому знакомому, «на ты». У
Хаавикко появляется аллюзия, связанная с те-
мой холода у Овидия. Овидий был сослан в Да-
кию, город Томи (совр. Констанца) за поэму *Ars*
amandi, якобы развращающую римский народ. Во
времена Овидия (43 до н. э. – 18 н. э.) климат был
совсем другим, другим было и восприятие антич-
ного человека, что не раз привлекало внимание
ученых. Мир представлялся только в границах
Средиземного моря, все, что дальше – безжиз-
ненно, холодно и страшно. Поэтому Дакию, Ски-
фию можно смело назвать античным Крайним
Севером. О том, что в Дакии холодно по сравне-
нию с Италией, Овидий сам часто писал в «Скорб-
ных элегиях» (*Tristia*).

nudaque consistunt, formam seruantia testae,
uina, nec hausta meri, sed datafrusta bibunt⁷.

Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда,
вынув из кадки – не пьют, колют, глотая куском⁸.
(Пер. Я. Голосовкера)

Там, где вино не разливают в кубки, а колют, по
мнению Овидия, не может быть счастья:

heu loca felici
non adeunda uiro!⁹

⁷Naso P. O., Wheeler A. L. *Tristia. Ex Ponto*. Cambridge: Harvard University Press, London: William Heinemann Ltd, 1959. P. 138.

⁸Овидий (Публий Овидий Назон). Тристии // Античная лирика. М.: Ху-
дожественная литература, 1968. С. 447.

⁹Naso P. O., Wheeler A. L. Там же. P. 140.

Не для счастливых людей
гиблые эти места¹.

(Пер. Я. Голосовкера)

Вино, как известно, замерзает при более низкой температуре, чем вода, сухие – при -3–4 градусах, сладкие – при -12. И раз лирические герои Овидия вынуждены колоть вино, то температура окружающего воздуха вокруг должна быть явно ниже 0. Поэт убеждает, что он находится на безжизненном Севере. В образе зимнего царства возникает «зародыш противоречивости, двойственности», за которым «скрывается потенциальная амбивалентность “зимних” мотивов» [Чеснокова, 2022, с. 57].

et tandem sensus
conualuere mei².

Я из беспамятства тьмы медленно к свету пришел³.
(Пер. Я. Голосовкера).

Только будучи изгнанным, Овидий, по словам М. Л. Гаспарова, ощущает подлинную «силу поэзии» [Гаспаров, 1997, т. 1, с. 208].

У Хаавикко «замерзает озеро», появляется «белая птица, царица Дуная»⁴, отсылающая нас к Дакии, месту ссылки Овидия.

В стихотворении «Славословие тирану» Хаавикко связывает эпохи с разницей в две тысячи лет, связывает пространства Севера и Юга, шлет Овидию сочувственное послание, возвращая время вспять, призывает «мужаться»:

Мужайся, Овидий. Изгнание — это мера
Только пожизненная⁵.

(Пер. В. Топорова)

Но Хаавикко словно насмехается над Овидием, который не переставал прославлять Августа, отправившего поэта в ссылку. Хаавикко даже предлагает поэту: «Собираясь к тирану, зараннее отруби себе голову»⁶.

К 1955 году относится стихотворение Хаавикко «Одиссей» (Odysseus), в котором главный герой отождествляет себя сразу с десятью женихами Пенелопы. Одиссей Хаавикко – это Одиссей-в-плавании. Десять лет его путешествия – это десять женихов. Но, вернувшись через десять лет уже на самом деле, он словно теряет свой героический облик.

Хаавикко сравнивает путешествие Одиссея с поэзией. Поэзия – это и есть плавание Одиссея. И оно не должно заканчиваться. Законченное плавание опять же трансформируется в пустоту⁷.

Тема Одиссея звучит и в поэме Хаавикко «Двадцать и один» (1974), в которой мировая история освещается с антиисторизмом и иронией. Но в поэме главное – не только история, но и тема возвращения и в целом тема пути.

В поэме Сампо в интерпретации Хаавикко – это монетный двор в Византии, станок, чеканящий деньги. Финны, отправившиеся по русским рекам в Византию, похищают станок, но византийские корабли настигают северных грабителей, и Сампо падает на дно Средиземного моря, превращаясь в осетра. Возвращение финнов, почти как в «Одиссее», бесконечно во времени. Собственно, возвращение на родину – основная коллизия европейской литературы – это и центральная сюжетная линия поэмы. Вечное возвращение, по пути на родину герои рождаются и умирают. Легко совершать разбойничьи набеги, но трудно вернуться из Византии, из похода мести «Bysantista, kostoretkeltä»⁸.

Образ Одиссея появляется в поэме в несколько искаженном виде. Трудно даже провести грань между аллюзией на темы Гомера и игрой, между сюжетом и вплетением в сюжет театрального действия. Северным грабителям на одном из островов встречается Одиссей, карикатурный, старый, пасущий коз. Он рассказывает историю о самом себе:

Niin suuri laiva täynnä onnettomuutta ettei
Odysseus ikinä olisi rohjennut toivoa enempää.
Penelope ei tiedä kenen kanssa jakaisi unen ja
viinin<...>

Ja sitten. Odysseus purjehti kauas, kävi niin
etäällä ettei siellä ole käynyt, ei edes
mikään teatteriseurue <...>

Tähän päätti vuohia kaitseva mies
kertomuksensa.

Eikä ihan heti tahtonut kukaan puhua⁹

Корабль, полон столько бед, Одиссей
теряет надежду,
Пенелопа не знает, с кем разделить сон и вино...
А потом Улисс уплыл далеко-далеко,
уплыл так далеко,
где не бывал никто, даже труппа театра...
Рассказчик закончил свою историю
все молчали, никто не хотел говорить.

¹ Овидий. Тристии, 1968. С. 448.

² Naso P. O., Wheeler A. L. Tristia. 1959. P. 20.

³ Овидий. Тристии, 1968. С. 444.

⁴ Поэзия Финляндии, 1980. С. 324.

⁵ Там же. С. 327.

⁶ Там же.

⁷ Haavikko P. Runot 1949-1974. Helsinki: Otava, 1975. S. 123.

⁸ Haavikko P. Kaksikymmentä ja yksi. Helsinki: Otava, 1974. S. 35.

⁹ Там же. С. 47–48.

Образ Одиссея перекликается с театральными персонажами. И все они вместе становятся современниками лирических героев поэмы.

Эва-Лиза Маннер и Пааво Хаавикко – бесспорные лидеры послевоенного модернизма. Однако у Хаавикко видны черты, которые можно было бы уже отнести и к постмодернистским: смешение культур и эпох, мифологий и реальных событий в игровом ключе с элементами иронии. И если в стихотворениях Маннер сквозит подлинность чувств, эмоций, мыслей, то в поэме «Двадцать и один» мы словно наблюдаем за шахматной партией разыгравшейся фантазии автора.

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК ПРИЕМ МОДЕРНИЗМА

«Одиссея» Гомера, возвращение Улисса было «переосмыслено» Джеймсом Джойсом в романе «Улисс», ставшем образцом высокого модерна наряду с «Бесплодной землёй» Т.-С. Элиота. Сам Элиот так отозвался о романе: «Используя миф, умело внедряя параллель между современностью и древностью, г-н Джойс применяет метод, который и другие обязаны применять вслед за ним. Они будут считаться не подражателями, а скорее будут средним ученым, которые используют открытия Эйнштейна, занимаясь своими собственными, независимыми, дальнейшими изысканиями»¹. Е. М. Мелетинский обозначает такой подход термином «неомифологизация» [Мелетинский, 1995], а В. Н. Топоров – «демифологизация как разрушение стереотипов мифопоэтического мышления, утративших свою “подъемную” силу» [Топоров, 1995, с. 5]. С методом Джойса явно были знакомы финские поэты. В этом русле работали и Пааво Хаавикко, и Хелена Анхава (Anhava, 1925–2018).

В стихотворении Хелены Анхавы также видна аллюзия на темы «Одиссеи». У Гомера Одиссей, отвергая молодых красавиц, возвращается к постаревшей Пенелопе. У Хелены Анхавы мужчина, отправляясь завоевывать мир, обещает вечером вернуться. И он возвращается на закате жизни согбенным старцем. Прошел один день, но этот день – целая жизнь. Мужчина хочет найти утешение в детях, но они выросли и разъехались, а жены финский Одиссей не замечает:

- Lapset menivät jo, nainen sanoo.
- Olisit käskenyt odottamaan,
nyt on aikaa tutustua.
- Olenhan minä, tutustu minuun.
Mies ei vastaa,
nukkuu jo, väsynyt matkalainen²

¹Элиот Т. С. Стихотворения и поэмы. М.: АСТ, 2013. С. 22.

²Anhava H. Vuorosanoja. Helsinki: Otava, 1973. S. 28.

- Дети покинули дом, –
говорит жена.
- Тебе следовало бы их удержать,
теперь у меня есть для них время.
- Но я ведь еще здесь, пусть же
у тебя будет время для меня.
Муж не отвечает,
Он уже спит, усталый странник.

Здесь Анхава, как и Пааво Хаавикко в поэме «Двадцать и один», использует именно модернистский прием мифологизации обыденных ситуаций, который по факту имеет обратный, демифологизирующий эффект, выступающий как способ «остранения» (термин В. Б. Шкловского) [Шкловский, 1919], т. е. помогающий взглянуть на привычные вещи и явления по-новому, в данном случае – как на «эпические» события.

У Ристо Ахти возникает образ пустоты, который можно обозначить буддийским понятием «шуньята» (*санскр.* «пустота», синоним беззнаковости, бесстрастия) [Пятигорский, 2007, с. 183], например, в стихотворении «Нарцисс зимой» (1982):

На берегу озера шуршит отмерший тростник, не
сломанный в объятиях льда.
Ты спрашиваешь: Ты удручен?

Olen vaihtanut masennuksen tyhjään.
Tyhjä olen ollut,
tarkoitukseton...³

Я поменял депрессию на пустоту. Я был пуст,
Бесцельно...

Новый Одиссей одряб и устал. Сонный, не замечающий жены скиталец – такой герой не мог быть идеалом. А жажда по идеалу сохранялась. В своем поиске эпического героя, который мог бы послужить опорой для возрождения бесплодной земли, модернисты, как правило, обнаруживают подобные образы – образы своего времени. Другими словами, авторы интерполируют древний мотив в образный мир модерна. Элиот, а вслед за ним Анхава и Хаавикко используют прием, свойственный для модернизма вообще: высоким стилем, нарочито вычурным языком описываются события, которые иначе как обыденными или пошлыми назвать сложно. Игра несоответствия формы (языка) и содержания (действия) призывают рассматривать произведение в ироническом контексте. Символы, аллюзии усиливают этот эффект. Не более милосердно обходится со своими героями Пааво Хаавикко.

³Ahti R. Narkissos talvella. Porvoo – Helsinki – Juva: WSOY, 1982. S. 18.

Возможно, Эва-Лиза Манер нашла точный пример, сравнив свою лирическую героиню с Кассандрой, пророчицей, которой никто не внимлет – ибо вокруг пустые люди, именно так («Полые люди») назвал Т. Элиот одну из своих поэм (The Hollow Men, 1925).

Античность проявляет себя в поэзии визуальными образами наряду с образами героев. Это прежде всего архитектура. Мы уже упоминали акрополь у Раббе Энкеля. Эльмер Диктониус описывает арку. И, парадоксально, античная арка напоминает Диктониусу спину раба.

Герой Ласси Нумми, будучи в Эрмитаже, останавливается перед картиной «Даная». Он восхищается образом, созданным Рембрандтом, находя в нем цельность (*eheys*). Понятие «цельность» являлось одним из важнейших постулатов еще у финских неоромантиков в начале XX века. По мнению поэта, в современности нет этой цельности:

...наши душа и тело...
доходят почти до взаимного отречения, — значит,
все идет от Платона и старого богословья;
то, что кажется самым новым, — давно известно¹.
(Пер. Э. Шустера)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпический герой не приживается в новой эпохе, а если и приживается, то неуклонно «мельчает», снисходит до рутины и превращается в обывателя. Он эволюционирует, становится обывателем.

¹Поэзия Финляндии. С. 319.

демифологизируется и даже становится объектом для насмешек. Такая демифологизация ставит под сомнение идеалы античности и показывает, насколько хрупки могут быть человеческие устремления в современном мире. Финские поэты по-новому переосмысливают античные мифы, отходя от классических архетипов и лишая героев былого величия. Они показывают читателю мир обыденности, где поиски смысла чаще заканчиваются разочарованием, чем триумфом.

Античные образы в поэзии Финляндии разнообразны и даже противоречивы. Они служат своего рода мостом между прошлым и настоящим: поэты обращаются к культурному наследию и одновременно пытаются разобраться в вызовах своего времени. Наиболее излюбленным образом остается Одиссей. Именно с этим образом связана в финской поэзии одна из основных доминант – тема пути.

Трансформация образов прошлого в финской поэзии направлена на переоценку традиций и поиск современного понимания литературного героя.

Финские поэты подходят к античности с разных сторон: от высокого переживания у Маннер и поиска идеала у Нумми до пародии у Хаавикко. Это разнообразие подходов показывает, насколько многогранны вечные темы. Авторы одновременно отдают дань уважения классическим традициям и бросают им вызов, создавая пространство для размышлений о месте человека в мире. Но даже когда образы античности переосмысливаются в соответствии с реалиями быстро меняющегося мира, они остаются неиссякаемым источником вдохновения для финских поэтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Koskimies R. Suomalainen uusromantiikka // Suomen kirjallisuus. 4: Minna Canthista Eino Leinoon. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1965.
2. Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1981.
3. Чеснокова Т. Г. Зима в Томах и «зима» в Аду: еще раз о перекличках между Данте и Овидием // Studia Litterarum. 2022. Вып. 7 (2). С. 40–61.
4. Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. О поэтах.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Языки русской культуры, 1995.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. М.: Прогресс – Культура, 1995.
7. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Поэтика: сб. по теории поэтического языка. Петроград: 18-я Государственная типография, 1919. С. 101–114.
8. Пятигорский А. М. Введение в изучение буддийской философии. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

REFERENCES

1. Koskimies, R. (1965) Suomalainen uusromantiikka. Suomen kirjallisuus. 4: Minna Canthista Eino Leinoon. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
2. Laitinen, K. (1981). Suomen kirjallisuuden historia = History of Finnish Literature. Helsinki: Otava.
3. Chesnokova, T. G. (2022). Zima v Tomakh i "zima" v Adu: eshche raz o pereklichkakh mezhdru Dante i Ovidiem = Winter in Tomis and "Winter" in Hell: Once More about the Parallels between Dante and Ovid. *Studia Litterarum*, 7(2), 40–61. (In Russ.)
4. Gasparov, M. L. (1997). Izbrannye trudy = Selected Works (vol. 5. O poetakh = On Poets): in 3 vols. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
5. Meletinskii, E. M. (1995). Poetika mifa = Poetics of Myth. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
6. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Obraz. Simvol = Myth. Ritual. Image. Symbol. Moscow: Progress – Kul'tura. (In Russ.)
7. Shklovskii, V. B. (1919). Iskustvo kak priem = Art as a Technique. *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* (pp. 101–114). Petrograd: 18-ya Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.)
8. Pyatigorskii, A. M. (2007). Vvedenie v izuchenie buddiiskoi filosofii = Introduction to the Study of Buddhist Philosophy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сойни Елена Григорьевна

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soini Elena Grigor'evna

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Leading Scientist
Institute of Linguistics, Literature and History
Karelian Research Centre of RAS

Статья поступила в редакцию	10.04.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	05.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	14.05.2025	accepted for publication